

Георгий Чулков

ГОДЫ СТРАНСТВИЙ

Театральные заметки

Оригинал находится здесь: [Серебряного века силуэт...](#)

Будучи еще мальчишкой, в первых классах гимназии, я постоянно бывал в театре — изредка по пятницам у Корша¹, а чаще — в Малом театре², где успел пересмотреть весь тогдашний репертуар и всех мастеров нашей первоклассной драматической сцены. Многих актеров я видел и в частной жизни у моего дядюшки³.

В эти годы у него на журфиксах охотно бывали актеры. Некоторые хаживали и к нам играть в винт с моим отцом. Я смотрел на актеров, как на счастливых волшебников. Театр казался мне чудесным местом, и я сам мечтал об актерском ремесле, разучивал монологи Макбета и Гамлета⁴, летом на подмосковных дачах устраивал спектакли.

Этим предосудительным делом занимался я с четырнадцати лет.

Но с годами, продолжая восхищаться Ермоловой⁵, Федотовой⁶, Ленским⁷, Горевым⁸, Макшеевым⁹, я уже чувствовал, что в Малом театре не все благополучно. Несмотря на зеленую свою молодость, я понимал, как низко стоит репертуар казенного театра. Шекспира и Шиллера ставили нечасто, зато пьесы моего дядюшки, Шпажинского¹⁰ и прочих не очень высоких драматургов не сходили со сцены.

Больно было смотреть на великолепных артистов, которые тратили свои силы на то, чтобы извлекать из ничтожества всякие сомнительные творения репертуарных поставщиков.

Зато актер царил на сцене, был ее хозяином. Режиссер был незаметен. О нем никто и не вспоминал. Декорация почитались чем-то совершенно неважным и неинтересным, по крайней мере, в драме. Зато зрители ценили актерскую игру во всей ее, так сказать, чистоте.

Авторский замысел не был загроможден никакими режиссерскими измышлениями. Сущность театра не была утрачена. На первом плане был человек, личность во всей сложности и многообразии его духовной жизни. Но по мере того как старились и умирали актеры, воспитавшиеся на лучших традициях московской сцены, все очевиднее становилось падение Малого театра.

Пресловутый «реализм щепкинского дома»¹¹ превращался в самый грубый бытовой натурализм. В театре началось какое-то ожирение сердца. На сцене трактовались обывательские страстишки. Драматическое начало рассчитано было на сентиментальность зрителя, комическое — на его чревную смешливость.

Немудрено, что при таком безвременьи спектакли К.С. Станиславского¹² в «Обществе любителей искусства и литературы»¹³ на сцене Охотничьего клуба стали огромным